

ЛЕОНИД
ХАУСТОВ

Q

Советский
писатель

Ленинград

1961

ЛЕОНИД
ХАУСТОВ

Весенняя река

СТИХИ

С НОВЫМ СЧАСТЬЕМ!

Ни ушанок, ни санок,
ни катков, ни коньков,
только тьма спозаранок
да разлив огоньков...

Все равно этот вечер
нам с тобой по душе,
и к торжественной встрече
все готово уже.

Разукрашена елка —
до чего хороша! —
вся в зеленых иголках
замерла не дыша.

Да и ты, дорогая,
вышла к нашим гостям
молодая,
такая —
даже больно глазам!

Хоть снегов не богато —
будет снег скатертей,
за столом тесновато, —
значит, много друзей!

И до боя курантов
целых восемь минут.
Разольем аккуратнo
старый год помянуть.

И поднимем за новый,
что стоит у ворот,
потрудиться готовый
народившийся год.

Чтоб он полон был света
каждый день, каждый час.
Люди делают это —
все зависит от нас.

В ГОРКАХ

На светлой веранде
часами
он в кресле сидел у окна.
О нем
за полями, лесами
в те дни
волновалась страна.
Чтоб эту рассеять тревогу,
к нему
в подмосковный простор
с мандатом от «Правды»,
с треногой
поехал тогда репортер.
Вот Горки
в наряде осеннем,
дорожек толченный кирпич,
ступени,
и в комнате — Ленин.
Нет, просто Владимир Ильич.
Хоть был не охотник до фото,
снимался,
не стал возражать.

Ценил он людскую заботу,
работу умел уважать.
Фотограф терялся сначала,
знакомству нежданному рад.
Впервые рука задрожала,
когда наводил аппарат.
Пускай он снимал по старинке,
кассетами долго стуча, —
в века
понесут эти снимки
улыбку и взгляд Ильича!

БАЛЛАДА О ДЖОНЕ РИДЕ

Распрощался ты, поэт,
с модными салонами,
повстречался ты, поэт,
с нищими пеонами.
Вместе с ними есть и пить,
молодость растрачивать.
«Вива, Вилья!» — в дым и зной
с песней «Кукарачею»,
с пишущей машинкою,
к седлу притороченной.
Поперхнется телеграф
телеграммой срочной.
Пусть жиреющий Нью-Йорк
прочитает завтра:
«Скоро Мексика свернет
голову диктатора!»

К утверждению правоты
нет пути окольного.
Меж солдатами Джон Рид
в коридорах Смольного.

Ветром Балтики дыша
в ночь паденья Зимнего,
полюбил Россию он
навсегда взаимно.
Слово в сердце у него —
как патрон в патроннике.

Джона Рида я видал
в старой кинохронике:
на трибуне он стоит
над толпой несметной
в девятнадцатом году,
молодой, бессмертный!
Так и вижу взмах руки
резкий и короткий.
И еще одно:
Джон Рид
был — в косоворотке.
Что рубаха? Пустяки!
Мало ль что надето?
Только вся его душа
мне раскрылась в этом...

Ели встали в караул
и цветы алеют
над могилою его
возле Мавзолея.
Но останется живой
навсегда в истории
книга —
красный переплет —
«Десять дней, которые...»

«АВРОРА»

«Аврора». И ветер в октябрьской ночи.
И волны мерцают свинцово.
На всех языках это слово звучит,
к свободе зовущее слово.

Навечно тебя мы поставили тут
как памятник славного года.
И гулко гремит над тобою салют
во имя победы народа.

Роднее тебя корабля не найти,
тобою гордится Отчизна.
На вечном приколе — ты вечно в пути,
«Аврора», заря Коммунизма.

ТОВАРИЩУ

Всегда и повсюду
насущно и ново
нам в душу ложится
партийное слово.

Партийное слово
с тобой нас сроднило,
на нашу оно
опирается силу.

Оно нас вело
через бури и грозы,
оно вытирало
народные слезы.

Дай руку, товарищ,
ведь оба с тобою
всегда мы готовы
к работе и бою.

Иди,
претворяй же
решительно, смело
партийное слово
в партийное дело!

МАЛЬЧИШКИ

Как с соседним дрались двором,
помнит каждая подворотня,
но не сабель фанерных гром
вспоминается мне сегодня.
Нет — иное меня влекло
и заставило приглядеться:
как от нас навсегда ушло,
чем ты кончилось, наше детство?

...Мы в Таврический молча шли,
в это утро сбежав с уроков.
Киров!
Розы родной земли
покрывали помост высокий.
Приглушенные
пели трубы,
словно ветром пронзая нас.
Гнев до боли сжимал нам зубы,
делал щелки из наших глаз.
И мальчишки соседних улиц
шли, свою позабыв вражду.